

Однажды в Богемии

Наталья Анискова

Тысяча четыреста девятнадцатый от Рождества Христова год был. Уже выстроил король Карл в Праге невиданной красоты мост между Старым Городом и Малой Страной, где обитают ремесленники. Дивились на тот мост купцы, что съезжались на ярмарки со всей Богемии, а еще из Моравии, Саксонии, Баварии, Силезии. Дивились и по возвращении земляки о виденном и слыханном рассказывали. А послушать в столице можно было многое.

Уже сожгли неугомонного книжника Яна Гуса. Повсеместно, и в лицо королю, и на потеху черни твердил он, что церковь перестала быть Христовой, а превратилась вместо того в папскую кормушку. И то правда: у священников — ренты с городских домов; у священников — индульгенции, которыми торгуют направо и налево; у священников — плата за обряды — от крестин до отпевания. Треть всей чешской пахотной земли — тоже у них. И десятина, которую собирают с крестьян все чаще.

Уже заговорили по всей Богемии, что пришла пора остановить жиреющих прелатов. Заговорили о том, что Господь создал людей братьями и сестрами, равными и одинаково бедными, и негоже одним наживаться, а другим голодать.

«Крепостной — что верба: чем больше его обстригаешь, тем гуще растет», — полагали господа. Вот и стригли крестьян как могли. В день святого Павла и в день святого Георгия брали чинш деньгами. А по будням работой брали чинш — кто по три дня в неделю, а кто и по шесть... Уже запылали кое-где панские и земанские усадьбы.

За Сухой Каменицей, не доходя до Ружовского Врха, деревня стоит, названием Комна. Большая деревня, под сотню дворов. Как везде, есть в нескольких верстах господский дом, высокий, каменный. Церковь есть, гончарная мастерская, мельница. Поля вокруг — седлаки на своих наделах выращивают рожь, а господские засевают льном да пшеницей. Есть в Комне и стекольная мастерская, еще пан Гостислав ее поставил, лет пятьдесят тому. Поставил, немца-управляющего привез, взялся дуть стекло. Дело у пана Гостислава пошло потихоньку, и мастерская до сих пор стоит, а нынешний пан Альберт даже в Прагу посуды возить наладился.

Дома в Комне приземистые, крытые дранкой, беленые. Только трактир одноглазого Войтеха черным скворечником возвышается на рыночной площади.

На той площади убогого впервые и увидали.

Он сидел прямо на земле и хлопал глазами, как большой младенец. Так Ян и подумал — как младенец. Солнце уже заходило, когда они вернулись с господского поля — Ян, Казик и Матей. Спину у Яна ломило. Надо думать, Матею

с Казиком было не легче — весь день они втроем убрали лен. И вчера работали, и позавчера. Что ж, поле убрано, чинш уплачен. Завтра на свой надел, да поскорее жать, пока колос не полег, — а печет в этом году, ой как печет!..

— Гляди-ка! — Матей указал в сторону площади. — Кто это там расселся?

Втроем они подошли к незнакомцу, а минуту спустя кузнец явился, и дочка кузнецова, Марженка, подросла, из-за угла выглядывала.

Был пришлый молод. С глазами черными, а лохмами темными, кудрявыми, как у цыгана, только не смуглого, белокожего. Одет в обычные холщовые штаны с рубахой, чистые, не поношенные.

— Кто таков? — спросил кузнец, погладив усы.

Незнакомец не отвечал, только глаза тарачил и медленно шевелил губами.

— Кто таков? Отвечай! — повторил кузнец, притопнув.

Парень опять шевельнул губами, моргнул пару раз и не сказал ничего.

— А ну отвечай! — взбеленился кузнец.

— Тише ты, — заговорил вместо пришлого Казик. Повел подбородком от плеча к плечу, будто скидывая усталость, и добавил: — Не видишь — убогий он.

— Этот-то убогий? — хмыкнул кузнец. — Гляди, гладкий какой.

На вид парня и вправду был здоровенный, не изможденный — плечи широкие, кулаки пудовые, шея... Этот не голодал.

— А сказать-то ничего не может, — возразил Матей, кивнув на парня. — Значит, убогий.

Мужики спорили, а пришлый так и сидел на земле, только рот приоткрыл. Снова Яну вспомнился младенец. Или рыба на берегу.

— Давайте его к пану Милошу отведем, — предложил Ян. — Он уж точно разберется, что да как.

Коменского каноника пана Милоша в деревне уважали. В отличие от многих и многих церковников, он не гнался жадно за чиншами и помочами, индульгенций не продавал и частенько прощал плату за венчание или отпевание. Любопытный, въедливый и строгий, пан Милош никогда и никого не оставлял без совета, утешения и прощения. Паству пестовал если не как детей, то как племянников. А еще пан каноник был человеком ученым, наравне с господами, если не учнее.

К нему-то и отвели убогого. Отвели и вернулись на площадь, к одноглазому Войтеху. За кружкой пива всяко удобнее обсудить такое происшествие, чем еще где-то.

В трактире уже сидел кузнец и рассказывал сгрудившимся за столом, какой странный да наглый парень явился в Комну неведомо откуда. Казик с Матеем снова заспорили — мол, что возьмешь с убогого, не наглый

ФАНТАСТИКА

он вовсе, встал на ноги да пошел с ними, смиренный как теленок. И у пана каноника молчал, лишь переминался с ноги на ногу и моргал.

Через пару дней Ян вновь увидел давешнего убогого. Тот шагал с паном Милошем вдоль поля, да так споро, что старик едва поспевал за ним в своей длинной рясе. Незнакомец наклонялся, трогал рукой колосья, тыкал пальцем не поймешь куда, двигал руками, будто держал серп. Издалека было видно, как пан каноник что-то объясняет парню — то на небо укажет, то на землю, то окрест поведет ладонью.

В трактире любой разговор так или иначе перекидывался на пришлого, которого пан Милош велел звать Богданом. Жить стал Богдан при церкви, там же и работать — двор убирать, помогать служанке пана Милоша, подметать в нефе. Негоже, что такой здоровый парень бабьим делом занят, мужики говорили. Да что же с дурака возьмешь, другие спорили, в любом деле голова нужна и сноровка. Зато в том, что Богдан дурачок, ни те ни другие не сомневались. То он в реку устави́тся, будто в жизни воды не видел, то стену церковную ощупывает, то голову через чужой плетень сунет и давай в окно пялиться.

Папские сборщики явились в Комну неожиданно-негаданно. Два месяца назад приезжали они за десятиной и вот — опять вернулись. Сборщиков было двое: один в камзоле, тощий и носатый, второй в рясе, похожий на сундук и лицом и статью; при них пять человек солдат. Ян оторопел, когда увидел, как процессия шагает по деревне. Солдаты остались на площади — сели рядком на скамью, прислонили ружья к стене и все как один ссутулились, сложив локти на колени. Сборщики же устроились у одноглазого Войтеха, пропустили с устатку по две кружки и тогда уж пошли по коменским дворам.

Плачь не плачь, а десятину отдай. Мужики темнели лицами, всхлипывали бабы, сборщики покрикивали и косились на солдат, пересчитывали и складывали в кошель гроши. Так добрались и до крайнего дома, где обитал Марек Прохазка. Тот вышел во двор, а следом выскочила и Олинка, молодая жена Марека.

— Десятина с тебя, седлак, — заявил носатый.

А «сундук» хлопнул по заду Олинку со словами:

— Ишь бабенка какая справная!

И тут Марек, тихий Марек, который мухи не обидит, кинулся на «сундука». Ухватил его за горло и принялся давить, молча, оскалившись. Оторопели и солдаты, и носатый сборщик. Впрочем, он быстро оправился и закричал визгливо:

— Куда смотрите?!

Солдаты отцепили Марека от красного, с выкаченными глазами «сундука» и поволокли на площадь. Туда же побежала вся деревня. Ян заметил, что и убогий затесался в толпу. Он смотрел, как Марека распяливают на козлах. Смотрел, как тому заголяют спину. Смотрел, как замахи́вается плетью первый солдат... Свистнул разрезанный воздух, лхестко рассекло плоть, вскрикнул Марек. А Богдан бросился к солдату и принялся выди́рать у того из рук плетль. Солдаты оставили Марека и развернулись к убогому. И неведомо, чем бы закончилось, не подоспей пан Милош.

— Стойте, — тихим, но твердым голосом велел каноник. — Янек, иди сюда. Богдана уведи. В церковь.

— Пойдем. — Ян уцепил убогого за рукав.

Тот побрел рядом, не артачась, только оглянулся пару раз на площадь.

— Ты смотри, брат. С солдатом шутки плохи, и с папским сборщиком не лучше. Видишь, с Мареком что случилось. А ты за плетль хвататься. Они и тебя следом на козлы покладут, — объяснял Ян.

Богдан кивал, только не похоже было, чтобы понимал хоть слово.

Лето стояло на изломе — август, зорничник, жаркий, сухой и душный. Пришло время жать пшеницу и обрабатывать очередной чинш.

Марек Прохазка после двадцати плетей ничего обрабатывать не мог — хорошо, хоть сам жив остался. По вечерам уже судачили в деревне: как же станет выкручиваться Марек; не похоже, что умудрится выплатить этот чинш деньгами.

В понедельник вместо Марека на господское поле явился пан Милош с Богданом. Мужики глянули на каноника с сомнением.

— А справится? — поинтересовался Ян. — В жатву без сноровки много не наработаешь.

— Поглядим, — кивнул пан каноник.

Поглядеть и вправду было на что, когда Богдан взял в руки серп и двинулся к дальнему краю поля. Ладными движениями он отмахивал круг за кругом, и позади убогого оставалась ровная, как по веревке вымеренная, полоса жнивья. Иржи Хромой восхищенно прицокнул языком:

— Ай да парень!

Богдан махал серпом весь день, почти без отдыха, так же ровно и быстро, как на заре, и пшеницы сжал вдвое больше любого из мужиков. До конца недели он так и проработал на поле — сперва вместо Марека, потом вместо Иржи Хромого, который рассек серпом руку. Каждый день убогий оставлял всех жнецов далеко позади. Мужики, прежде сторонившиеся Богдана, теперь встречали его по утрам как своего, как со своим возвращались с поля, разговаривали. Ну а что Богдан ответить не мог — то ничего, зато сразу видно: понимает.

После жатвы Богдан помогал сгребать снопы, работал на току, и дивиться можно было, как ладно все у парня выходит. На поверку оказался он не убогим, а работающим да сноровистым. Взаялся подсобить деревенскому плотнику и в два счета сладил прилавки на площади. Работал у мельника — тот нарадоваться не мог на такого батрака.

Мало-помалу надвинулась осень — зябко стало по утрам, с реки потянуло туманом, закаты окровавились. Господскую пшеницу и крестьянскую рожь убрали и обмолотили. Пришла пора свадеб. Пан Альберт в день святого Петра женил сына и, как заведено у панства, устроил для седлаков и челяди гулянье. Во дворе господского дома установили деревянные столы, на пирушке собралась вся Комна. Правда, назвать эту свадьбу праздником язык не повернулся бы. Мужики сидели хмурые, пили и время от времени отпускали соленые шутки, бабы — и те не смеялись, лишь перешептывались. Один Богдан не хмурился — сидел, по обыкновению, молча, головой крутил.

Неизвестно, как так вышло, случайно или по умыслу. Первым дым заметил Матей, ткнул в бок сидящего рядом Казика, кивнул на флигель. Казик же пригляделся и заорал благим матом:

— Пожар!

Из-под крыши флигеля густо валил дым. Пан Альберт вскочил, приказал носить воду и кинулся к дому. Повскакали и деревенские — бабы сгрудились у стола, мужики бросились к колодцу.

Прожаренный за лето на солнце деревянный флигель горел вовсю. Седлаки таскали воду, но пожар остановить не могли. Ян бежал с бадьей, кашляя от едкого дыма, когда услышал крик. Оттуда кричали, из огня. «Господи помилуй. Кто же там?» — подумалось Яну. Он выплеснул бадью и увидел сквозь марево, как мечется возле флигеля кузнец. Оказывается, кричала его дочка, Марженка. Как любопытную девчонку занесло туда и почему она раньше не выскочила — неизвестно. Сейчас же флигель пылал, пламя уже плясало во всех окнах и в дверном проеме, а Марженка кричала внутри. Послышался грохот — видимо, одна из балок рухнула. Кузнец осел на землю, крестясь, — ноги его не держали.

У входа во флигель, где раньше была дверь, показалась светлая фигура. Ян пригляделся и узнал Богдана. Хотел крикнуть: «Куда, дурак?!» — и прикусил язык.

Снова грохнуло во флигеле, закричала опять Марженка, а потом — Ян не понял, сколько времени прошло, — из пламени показалась та же фигура. Нет, не та же — на руках Богдан нес девчужку. Кузнец бросился к ним, подхватил дочь и опустил на колени.

После, в трактире, он пытался целовать руки Богдану, а тот лишь мялся, хлопал глазами да помалкивал.

В ноябре два десятка мужиков ушли из деревни вместе с проповедником из Оломоуца. Тот направлялся на гору Табор, где братья его ждали второго пришествия Христа и готовились воевать. Ушли халупники Славек Рудый и Любеш Кривой, овдовевший по весне гончар Стась, и Марек Прохазка тоже ушел, как ни убивалась и ни плакала Олинка.

А еще в ноябре едва не случилось несчастье. Мостик через Ружу давно был шаткий — кажется, и его при пане Гостиславе построили, до этого переходили речку вброд. Неудачно поставили — как раз под мостиком жадно кружил водоворот. Со времен пана Гостислава несколько человек туда падали: Гнаш-плотник, малолетний Петрик Охлупка, сын тогдашнего гончара, и даже солдат проходжий. Ни один не смог выплыть — больно скоро течет Ружа, а водоворот тот — место гиблое.

В тот день Гонза-бондарь проверял бочки — опускал в реку и вылавливал. Помогали ему Ян, Матей и Богдан.

На мостике показалась мельникова дочь Елишка — похоже, шла из соседней деревни, несла корзину, обмотанную платком.

— Сухоручка бежит, — шевельнув усами, заметил Гонза.

Ян держал крышку, которую прилаживали к бочке, когда раздался вопль, затем грохот и всплеск. Елишка барахталась в воде, била по ней руками и визжала. Корзина крутилась в водовороте, ближе и ближе к середине его, и девку тянуло туда же.

— Пропала! — ахнул Гонза-бондарь.

Матей рванулся было вперед, рыбалём в Комне он был первым и пловцом отменным. Взбежал на мостик, на ходу срывая рубаху. И... отступил назад, перекрестился исто-во. Нырять в омут за не своей девкой — что со смертью в «раз-два взяли» играть на чужой интерес.

— Куда? — простонал Ян, когда мимо него пронесся Богдан. — Утопнешь!

ФАНТАСТИКА

Убогий кинулся в воду как был, одетый. В несколько взмахов доплыл до Елишки, ухватил за косу и потащил, загребая одной рукой. Водоворот тянул обратно, с минуты казалось, что вот сейчас — оба потонут. Но не случилось, гребок за гребком Богдан выбирался из омута.

— Силен ты плавать, — пошевелил усами Гонза, когда Богдан вытянул мокрую, трясущуюся Елишку на берег.

Мельникову дочь парни обходили стороной, да и девки не жаловали. На гуляньях держалась она поодаль, вечерами на посиделки не ходила. Маленькая, рыженькая, конопатая и глазастая Елишка вечно казалась тихой и задумчивой. Говорили, что она даже грамоте выучилась и, пока девки точат лясы на посиделках, Елишка читает. По правде сказать, вполне подходящее для нее занятие. Сухорукая она была, с рождения. Ни в доме от такой бабы нет пользы, ни в поле — какие уж тут женихи. Левая рука у Елишки была здоровая, как у всех, а правая ниже локтя — скрюченная и сморщенная. Скольким лекарям показывал мельник дочку хворь, и заезжим, и в Оломоуце, — все без пользы. Так и выросла Елишка сухорукой, так и осталась нелюдимой.

Теперь же девка зачастила к пану канонику — по первости раз-два в неделю ходила, а потом и каждый вечер стали замечать Елишку у церкви. Поначалу в трактире судачили о том, что мельникова дочь решила податься в монастырь, — замуж ее никто не возьмет, так что ж одной вековать. До тех пор судачили, пока Войтех одноглазый не брякнул:

— Может, она к Богдану ходит?

Мужики посмеялись, а потом и переглянулись.

— Да на кой ляд она сдалась Богдану? За него и здоровая девка пойдет, — возразил плотник. — Я бы Марыську свою с радостью отдал...

Следующим вечером Ян заглянул к пану Милошу. Каноник встретил гостя с удивлением:

— Случилось что-нибудь, Янек?

— Да нет... — Ян мял шапку в руках и смотрел на Елишку. Та сидела за столом рядом с Богданом, листала большую книгу в кожаном переплете, увлеченно рассказывала что-то и улыбалась.

В другой раз эти двое попались Яну на глаза у можжевеловой рощи — шли рядом, и опять Елишка Богдану о чем-то толковала. Никогда мельникова дочь не бывала такой... живой, что ли, как людям положено. Раньше при виде Елишки Ян чувствовал жалость и стыд — за то, что у него две руки и у всех остальных тоже две. Вроде бы Ян в этом не виноват, но делалось ему стыдно. Теперь же по Елишке и не видно было, что с руками у нее не так. Радостная, румяная — заметно стало, что девка-то хороша.

ФАНТАСТИКА

Снег лег в декабре и стоял в марте. Святки прошли тихо, без гулянья и хоровода на площади. Сумрачно было в Комне, тревожно, как и во всей Богемии. Пан Милош говорил злые проповеди, только народу на них приходило все меньше. Мужики собирались в трактире, хмуро пили, а потом срывались в крик или в драку кидались. Волки загрызли Иржи Хромого, пропала из деревни Олинка. Потом задышало весной, нужно было готовить плуги и снова браться за пахоту.

Тот апрельский день солнечным, ясным выдался. Мужики все были в поле, кто на своих наделах, кто на господских. А потом прибежал, по-жеребьячи выкидывая ноги, Луцек, сын Матей, и уже по лицу парнишки было видно, что несет он беду.

— Скорей! Солдаты там... Чужие... — выпалил малец, задыхаясь. Постоял с минуту и сорвался, побежал дальше.

Ян бросил плуг прямо в поле и кинулся к дому.

В деревне творилось страшное. Многоголосый вой стоял — кричали бабы и девки, дети, ревела скотина. Калитки в половине дворов были распахнуты, летали перья переживших зиму кур и гусей. У коновязи стояло с десятков коней, таких, что отродясь в Комне никто не видывал. В железо закованных, с шорами на глазах.

— Германцы! — ахнул Матей. — Господи Иисусе, спаси и сохрани!..

С мельничного двора двое панцирников с крестами на плащах волокли упирающегося хозяина с разбитым в кровь лицом. Остановились, толкнули от себя в пыль. Тот, что повыше, каркнул что-то из-под забрала, взмахнул шипастой булавой. Мельник рухнул навзничь с раскроенной головой.

Двое других крушили поодаль кузницу, третий уже бежал к ним с факелом от коновязи.

Из-за амбарной стены вывернулся кузнец с мечом в руках — бородатый, расхристанный, страшный. С маху рубанул в затылок ближайшего крестоносца, тот сунулся лицом в землю. Кузнец развернулся ко второму, хакнул, рубанул вновь. Германец принял удар на щит, не устоял на ногах, грянулся на колени. Кузнец замахнулся вновь, но набежавший факельщик с ходу бросился ему в ноги, подсек.

— Бей их! — закричал Матей, выдернул из-за пояса нож и бросился помогать.

— Положат нас, — охнул Ян, — положат же!

Не удержался и метнулся в свару.

Длилась она недолго. Завалился на бок с раскроенной грудью кузнец, рухнул рядом с перерезанным горлом Казик. Выстроившись в клин, германцы теснили вдоль уличных плетней оставшихся на ногах мужиков. Не выдержав, сорвался наутек Матей, за ним другой мужик, третий...

Всё, понял Ян, конец нам. Краем глаза он увидел убогого — Богдан стоял недвижно поодаль и лишь привычно крутил головой.

— Слюнтяй! — отчаянно крикнул Ян. — Трус!

Убогий встrepенулся, переступил с ноги на ногу и вдруг метнулся вперед — Ян даже не заметил, как тот оказался в гуще людей. А дальше... Ян, спроси его, не сумел бы рассказать, что случилось. Потому что голыми руками закованного в латы человека не зарубишь. А полдюжины закованных — тем паче. И как получилось, что снопами стали падать один за другим германцы, — неведомо. И как вышло, что уцелевшие оружие побросали, — тоже. До коновязи только трое и добрались всего — унеслись, гикая на коней, прочь.

Когда пыль рассеялась, Ян увидел...

Богдан лежал, уткнувшись лицом в землю. Ян пал перед ним на колени, схватил за плечо и поразился — какой тот неживой на ощупь. Твердый, холодный, будто давно оконечивший покойник. Ян рывком перевернул Богдана и оцепенело уставился в открытые широко глаза и спокойное, как у спящего, лицо.

В процессорной было тихо — мигали разноцветные индикаторы, мерцал большой, в полстены, экран, разбитый на квадраты, на стуле дремал кудлатый смуглый лаборант, удерживая каким-то чудом в руках стаканчик с остывшим кофе. Внезапно пискнуло в блоке наблюдения. Лаборант вскинулся, поставил на пол стаканчик и, сощурившись, присмотрелся к монитору. Потом взялся за телефон.

— Иван Исаевич, темпоральный кибер а-эф-сто двенадцать исчез.

— Как исчез? — изумились на другом конце линии.

— Сейчас, минуту. — Лаборант принялся считывать показания приборов. — Так, тысяча четыреста девятнадцатый, июль... Похоже на ошибку в расчетах, Иван Исаевич. Кибер был отправлен в две тысячи двести пятнадцатый... А попал — да, точно, в Средневековье.

На другом конце линии долго молчали.

— Ох, и влетит нам! — сказал наконец Иван Исаевич.

Елишке, дочери покойного мельника, уже под сорок, и годы почти вытравили веснушки с лица, заменив их на морщины. В монастырь она так и не ушла — осталась помогать пану Милошу, который сильно сдал после смерти Богдана. Потом, когда умер и пан Милош, опекала нового каноника и даже затеяла учить деревенских детей грамоте.

На коменском кладбище стоит простой деревянный крест, с именем на нем «Богдан». Каждую неделю, летом и зимой, Елишка сюда приходит. Иногда приходит не одна.

— Хороший человек был, — говорит, почесывая лысину, Ян.

— А мне кажется, и не человек вовсе, — сказала однажды Елишка.

— Что? Как это — не человек?

— Не знаю. Может, святой. Или, может... Не знаю.

